

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 210–216. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 210–216. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

(на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.)

Текенова Ульяна Николаевна, кандидат филологических наук, Горно-Алтайский государственный университет, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, tekenovau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4238-4383>

Аннотация. В статье на материале произведений алтайских писателей второй половины XX в. (Л. Кокышев, Б. Укачин, Ш. Шатинов, Д. Каинчин) автором предпринята попытка исследовать тему памяти и тему военного детства. В работе анализируются духовные ценности поколения поэтов и прозаиков, которые начали свой творческий путь в 1960-е «оттепельные» годы. В поле зрения автора вошли произведения, объединенные образом военного детства в далеком тылу, в статье предпринята попытка вписать исследуемый материал в контекст основных тенденций алтайского литературного процесса обозначенного периода. Обращается внимание на автобиографизм и ретроспективную точку зрения, мотивы жизни и смерти, голода и холода. В произведениях некоторых писателей отмечается сочетание художественного и публицистического начала, освещение суровой действительности глазами подростков.

Ключевые слова: алтайская литература, проза, рассказ, тема военного детства, мотив, память, автобиографизм, Кокышев, Укачин, Каинчин, Шатинов

Для цитирования: Текенова У.Н. Тема военного детства в алтайской литературе второй половины XX в. (на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 210–216. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

Research Article

THE TOPIC OF “WW2 REAR” CHILDHOOD IN ALTAI LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY (on the example of the works of Lazar’ Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, etc.)

Ulyana N. Tekanova, Surazakov Gorno-Altai State University, Institute of Altaistics of the Republic of Altai, Gorno-Altai, Russia, tekenovau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4238-4383>

Abstract. The article is based on the works of Altai writers of the second half of the XX century. (Lazar’ Kokyshev, Boris Ukachin, Shatra Shatinov, Dibash Kainchin) The author made an attempt to investigate the theme of memory and the theme of wartime childhood. The work examines the spiritual values of the generation of poets and prose writers who began their career in the 1960s “thaw” years. The author’s field of vision includes works united by the image of a wartime childhood in the distant rear, the article attempts to fit the material under study into the context of the main trends in the Altai literary process of the indicated period. Attention is paid to autobiography and retrospective point of view, motifs of life and death, hunger and cold. In the works of some writers, a combination of artistic and journalistic principles is noted, the illumination of harsh reality through the eyes of adolescents.

Keywords: Altai literature, prose, story, wartime childhood theme, motif, memory, autobiography, Lazar’ Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, Shatra Shatinov

For citation: Tekanova U.N. The topic of “WW2 rear” childhood in Altai literature of the second half of the 20th century (on the example of the works of Lazar’ Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, etc.). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 210–216 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

В алтайской литературе для поколения писателей, которые пережили войну подростками, одной из самых главных констант становится память. И причина здесь не только в преклонении перед подвигами отцов и дедов, но и в особой атмосфере военного времени, которая чувствуется в каждой строчке исследуемых произведений писателей – «детей войны»: Л.В. Кокышева (1933–1975), Б.У. Укачина (1936–2003), Д.Б. Каинчина (1938–2012), Ш.П. Шатинова (1938–2009). Образ военного детства по проблемно-тематическому воплощению в творчестве этих писателей занимает главное место. Именно указанные авторы стали продолжателями того особого пласта алтайской литературы о Великой Отечественной войне, который был задан в свое время писателями-фронтовиками А.Ф. Саруевой, С.С. Суразаковым, И.П. Кочеевым, И.В. Шодоевым и др.

В данной работе исследуется, как в алтайской литературе представлены особенности детского восприятия войны в условиях тыла, отмечается, что на материале военного детства убедительнее всего рассматривался вопрос о нравственной природе войны. В рамках одной статьи невозможно дать полный анализ всех произведений, посвященных выбранной теме. Ограничимся поколением писателей, которые родились в 30-е годы XX в. и вступили на путь литературного творчества в период «оттепели» 60-х гг. Каждый из них на личном опыте испытал на себе все тяжести военного времени, тыловых работ, ощутил дыхание голода и смерти. В их произведениях нет кровавых ужасов и страданий, главный интерес сосредоточен в детских душах, во внутреннем мире человека – как правило, отрока, подростка, взрослеющего в годы войны.

В творчестве Лазаря Кокышева автобиографизм становится особенностью лирики и прозы, мыслится как необходимый элемент его художественных миров. Многие его произведения внутренне объединены одним характером, одной судьбой, ставшей отражением судьбы самого автора. Особо значимо стихотворение «Сакылта» («Ожидание», 1956), которое в поэзии Л. Кокышева занимает знаковое место. Кульминация стихотворения заставляет читателей вместе с подростками пережить страх, взглянуть на обыкновенную радость голодных детей от горячей вареной картошки, от тепла очага и счастья, что мама вернулась. Голод в тылу, как и другие испытания, не мог задвинуть человека в детских душах. Дети были в этом противостоянии не только объектами жалости и заботы, но и наравне со взрослыми являли примеры великодушия, сострадания и готовности отказаться от чего-то ради других:

*Ырысту бистер
Кажы ла кижиге
Изү картошко берер
Күүнибис келетен.*

Счастливые мы
Каждому человеку
Горячую картошку
Хотели дать.

[Кокышев 1983: 53–54;
здесь и далее перевод автора статьи]

В начале стихотворения появляются мотивы тьмы, тяжести, ожидания («ночь», «буран», «вьюга», «вихрь», «темное окно»). Дети остаются одни и ждут мать. Темная ночь, вой и свист ветра, вьюга, характеризующие внешнюю ситуацию, также угнетают детские души:

*Чөйө кыйгырган
Шуурганның үнин
Энемниг кыйгызы деп,
Кенерте угадыс.*

Протяжный свист (крик)
Голос метели
Как нашей матери крик
Послышался вдруг.

[Кокышев 1983: 52]

Необходимо отметить, что темноте противопоставляется блеск звезды (освещает дорогу матери), яркое пламя костра в печке.

*Көгөрө тонгон
Жылдыстар энемниг
Жолын жарыдып
Тургандый болотон*

Замерзшие до синевы
Звезды казались,
Как будто моей матери
Дорогу освещали.

[Кокышев 1983: 52]

Стихотворение состоит из трех частей, каждая из которых отличается окраской. Поэт противопоставляет места действия, чтобы читатель мог глазами детей увидеть разницу между ними. Первая – взгляд в суровый мир из окна. Этот мир кажется враждебным для детей (темнота, ночь, мороз, свист и вой ветра, страх). Во второй части появляется ощущение застывшего мира в замерзшей тишине – молчаливая луна, посиневшие от холода звезды, молчаливая собака, и этот внешний мир объединяет с миром детей жалкий писк голодных мышей, живущих за печью. О военном времени говорят только строки об отце, сражающемся далеко под Сталинградом. В третьей части с возвращением матери пространство небольшого домика наполняется теплом и ярким светом очага, смехом и радостью, счастьем детей. Символично, что мотив темноты проявляется при описании реальной жизни в военных условиях, а свет возникает в семье, в кругу близких и родных. Автор удачно использует такие антитезы, как *холод* и *тепло*, *тьма* и *свет*,

протяжная песня вьюги и бодрая песня закипающего чугушка с картошкой и т. д.

Кульм Огня (От) / Очага (Очок) является едва ли не первостепенным у алтайцев, к которому до настоящего времени относятся с великим почтением и обращаются как Огонь-Мать (*От-Эне*), Хозяйка Огня (*От-Ээзи*). В алтайской семье именно мать является хранительницей домашнего очага, продолжательницей рода. В алтайской литературе Огонь-Мать обретает глубокий символический смысл как начало всего сущего. Рождение этого образа связано с традиционным мировидением, миропониманием народа. В анализируемом стихотворении «Сакылта» Л. Кокышева яркое пламя в очаге в трудные военные годы символизирует веру в процветание жизни на Земле и используется метафорически как огонь человеческого, материнского сердца.

В романе «*Чөлдөрдиг чечеги*» («Цветок степей», 1968, 1980) Л. Кокышева образ давно погасшего и запорошенного снегом очага является вестником смерти (младшей дочери, затем и самой матери). Автор отмечает точную дату происходящего: «Февраль 1943 года». Чабанка *Дьелеш* оставляет маленьких дочек в холодном *айыле* (юрте) одних и, заблудившись в степи, возвращается домой еле живой только через два дня. В тексте наблюдаются страшные картины натуралистического плана: очоженевшие от холода маленькие девочки; запорошенный снегом очаг, образовавшийся сугроб в *айыле*, застывшая в казане скудная еда, следы от детских ногтей, пытавшихся выковырять эту замерзшую еду. Ключевыми в этом эпизоде являются образы очоженевших от мороза детей и метели, которые передают всю суровость мироздания и создают холодную, зловещую атмосферу военного тыла.

Мотив смерти пронизывает данную главу – запорошенный снегом очаг (погасший огонь); сугроб, нанесенный через дымоход в *айыл*, возникающая как реальное событие, обретает символическое значение приближения смерти. Часть жилища «побелела», очаг запорошило снегом, то есть *айыл* погибает, в нем теряются последние «черные пятна» жизни. Маленькая Клара тихо умирает от болезни, затем последует смерть матери. Создается образ некоего антимира: как будто весь мир находится на грани смерти. Отсюда и образная параллель: черный *бакрас* (казан), *түнүк* (дымоход) – белый сугроб, накрывший почти все пространство юрты. В описании мотива смерти в системе образных средств языка автор применяет синестезию, которая представляет неотъемлемый компонент художественного мышления Лазаря Кокышева.

Сплетение тематических мотивов детства и войны, жизни и смерти получает дальнейшее развитие в романе «Арина», автобиографической повести «Дети гор» и некоторых стихотворениях, где автор

раскрывает мотив детства и войны через образы подростка и коня. В алтайской литературе образ коня/аргамака является национальным образом-символом. Алтайец и конь – понятия неразделимые. Конь является единственным и верным другом мужчины-алтайца. Когда мальчику исполнилось 12 лет, дядя дарил ему коня или ружье в знак того, что мальчик становится мужчиной. В героических эпосах алтайцев один из самых значимых – мотив рождения богатыря и его коня, мотив встречи героя и его коня. На протяжении всей жизни они становятся единым целым (жизнь и смерть богатыря и его коня взаимосвязаны).

В художественной литературе образ-символ коня олицетворяет также время (прошлое, настоящее и будущее), а бег коня-аргамака обозначает его быстротечность.

Для многих стихотворений Лазаря Кокышева существенна ретроспективная точка зрения. Например, «*Адалар түжсөт*» («Снятся отцы», 1963), «*Кер ат*» («Гнедой конь», 1963). В поэтических строках этих стихотворений слышится голос рано повзрослевшего ребенка, звучит трагедия утраченного детства и мотив непосильного детского труда, тема отцовства, жалость к матери и другим женщинам-колхозницам. Как известно, «история становления своей личности» есть один из значимых признаков, выявляющих внутренний автобиографизм художественного произведения [Медарич: 1998]. Через всю жизнь писатель пронесет память о военном детстве, о придавленных горем похоронок и беззвучным плачем женщинах. Именно память позволяет остаться детям военных лет настоящими людьми.

Обратимся к стихотворению «*Кер ат*» («Гнедой конь») Лазаря Кокышева, который отличается особым образом представленного в нем национального мира (образ Алтая как образ большой и малой родины: горы, перевал, конь и мальчик-подросток и т. д.).

Лирического героя взволновала встреча со старым конем. Память открывает в прошлом самые яркие, обжигающие душу мгновения, он осознает смысл пройденного пути. В центре стихотворения поместилось одно событие, которое переворачивает душу читателю (анализируемый эпизод также встречается в автобиографической повести «Дети гор»). Лирический герой обращается к коню, с которым во время войны ему довелось работать: пахать, возить мешки с зерном. Он приветствует его как старого друга и разговаривает с ним: «*Эзен бе, кер ат, озогы нөкөрүм*» («Здравствуй, гнедой конь, мой старый друг»); «*Адалар фронтко жүре берерде, / Аш тартканыс, санаанга кирет пе? // Кезикте күчин жетпей барганда, // Чөжүсү туратан, санаанга кирет пе?*» («Когда отцы ушли на фронт / Зерно возили, помнишь ли? // Иногда, когда у тебя сил не хватало, / Артачился ты, помнишь ли?») [Кокышев 1983а: 112].

Лирический герой словно пытается разрешить мучительное противоречие между той болью, которую принесла война, и духовным подъемом при встрече со старым другом Гнедым конем в мирное время. Эта встреча заставила героя пережить в душе все заново. Еще жива память о тех годах лихолетий: выбившаяся из сил исхудавшая лошадь не могла подняться на перевал, и мальчик кричит от беспомощности и боли, бьет палкой по ее хребту. Обратим внимание, что строфы стихотворения строятся на взаимоисключающих понятиях: «*Арканы торгылта кыйгырып алала*» («Прокричав на весь лес, что эхом отзывалось») и «*Көгөргөн туулар килеп тургандый / Көксимде кыйгыдан жаңыланып турган*» («Синеющие горы, как будто от жалости / Эхом отзывались от крика в душе»). Мальчик от боли и бессилия ругался, а конь «тяжело стонал», «хрипел», «в тихой дороге (от всего сердца) плакал, как задавленный и сильно измученный человек». Они оба, и конь, и мальчик, как будто испытывают друг друга: кто кого перетерпит, выдержит. Теперь, через много лет, встретив старого друга, лирический герой просит прощения у коня за то, что ударил тогда, накричал. Память о военном детстве не отпускает поэта, она необходима всегда, чтобы люди помнили, поскольку именно она закладывает нравственный фундамент: «*Уур жүрүмнөн мал да ыйлаан, / Улустын бегине эм де кайкайдым*» («От трудной жизни даже кони плакали, / Силе и крепости людей все еще удивляюсь») [Кокышев 1983а: 113]. Мальчик раньше времени вступает в самостоятельную жизнь: работает наравне со взрослыми, своими маленькими трудностями помогает матери прокормить младших братьев и сестер. Он проходит суровое обучение и воспитание в этой школе жизни, но учителем и судьей в данных строках выступает не суровая совесть, а конь. В этом стихотворении одновременно слышатся два голоса – голос взрослого и голос подростка. Встреча с конем, другом детства, возвращает лирического героя из настоящего в прошлое.

В данном стихотворении автором используется прием народной поэтики – вершинный перевал предстает как символ вершинной сути человеческого бытия [Казагачева 2002: 13]. С большим трудом мальчик и конь сумели преодолеть этот перевал, который в жизни лирического героя и самого поэта становится символическим. Именно через этот перевал подросток придет в большой мир, и путь этот оказался непростым.

Обратим также внимание на образ коня в других произведениях писателя. Подростки работали «седоками», и вместе с ними Карá: «*Карá тискинди силкип, адын камчылап жат. Ол тонгуп турган жылангаи буттары аттын бууып турган колтугына сугуп алган, онын учун атты тапшылаар аргазы жок. Ат*

Каранын жылангаи буттарын соотпоско тургандый, колдорын торт кыймыктатпай туру» («Кара трясет поводьями, бьет кнутом лошадь. Свои замерзшие босые ноги он засунул под мышки коня, поэтому не может ногами подгонять лошадь. Конь, как будто не хочет остужать босые ноги Кара, он даже не пошевелил передними ногами») [Кокышев 1980а: 168]. Колхозницы устали, нервничали, нужно было выполнять план, а лошади еле плелись. Для маленького седока казалось, что нет ничего страшнее и мучительнее в этом мире, чем крики этих изможденных женщин. Им тоже холодно, трудно: «– *Жорт! Камчыла!...*» («– Езжай! Бей кнутом!...») [Кокышев 1980а: 168].

Между автором стихотворений о военном детстве и отдельными сюжетами романа и повести «Дети гор» ощущается биографическое единство. Но самое важное, в них наблюдается становление подростка в суровых условиях военной колхозной жизни и последовательное раскрытие внутреннего мира мальчика Карá, близкого самому автору. Силой своей памяти Лазарь Кокышев обращается к миру своего детства, через который прошел сам, несмотря на трудности военной жизни.

Обращение к памяти позволяет поэту не просто отдать дань погибшим отцам, но и осознать самого себя, понять систему своих ценностей. Криком души звучат строки из стихотворения «Адам» («Мой отец»): «*Сталинград алдында, жалбышту согушта / Адам жыгылган... бурьлып келбеди. // ...Азыгысты бистин алган болзо, / Оштүнинг огынан айса / Жыгылбас эди...*» («Под Сталинградом, в огненном бою / Отец упал... не вернулся назад. // ...Если бы наши продукты (он) взял, / От пули врага может быть / не упал бы») [Кокышев 1983б: 28]. Эти строки заключают в себе целый комплекс переживаний, оставшихся в душе рано повзрослевшего лирического героя с тех военных лет. Отец поэта погиб на фронте в 1942 г. В стихотворении «Адалар түжелет» («Сняты отцы») звучат строки в начале и в конце: «*Жуу жеринде божогон адалар // Жаантайын менин түжсима киргилейт...*» («Отцы, погибшие на местах войны // Постоянно мне сняты») [Кокышев 1983в: 106]. С первых же строк создается «реальный» план стихотворения. Тема войны засела в душе поэта очень глубоко, и он постоянно чувствует ответственность за каждое слово, которое он говорит за погибших на фронте отцов: «– *Бистин учун / Тирү уулдардын // Журген жүрүмин / Көрблик – дешикелейт. // Бистин учун / Айдатан поэттин // Бичиген үлгерин / Угалык – дешикелейт*» [Кокышев 1983в: 106]. Лирический герой словно смотрит на все происходящее со стороны. Ему часто сняты отцы, не вернувшиеся с поля боя. Вечерами их тени собираются у окна, тихо заходят в дом, ищут в высоких шкафах его книги, в которых поэт должен от их имени сказать все невысказанное, наболевшее. Сыновья должны прожить жизнь

достойно за своих отцов. Автор приемом кольцевого обрамления соединяет время настоящее и военное.

Многие события из жизни автора нашли яркое отражение и в повести «*Туулардан келген балдар*» («Дети гор», 1966). В ней встречаются эпизоды, создающие бытовые ситуации – игры в войну. Мальчишки делились на две команды и тоже боролись против фашистов. Во всех произведениях о детстве Лазаря Кокышева звучит сыновняя благодарность к матери, желание облегчить ее тяжелую жизнь.

Парадоксальное сплетение тематических мотивов детства и войны, жизни и смерти получает развитие и в повести «*Өлтүрген болзом тороны*» («Убить бы мне голод», 1979) Бориса Укачина. Одной из главных особенностей данного произведения является сочетание художественного и публицистического начала по принципу ретроспекции («бихронизма»), которое справедливо заметил Г.В. Кондаков: «Б. Укачин освобождается от канонов, регламентаций повествовательного жанра и создает своеобразное эссе, в котором сплавлены исторические, биографические, фольклорные, этнографические, литературные, публицистические планы» [Кондаков 2004: 181]. Герой-рассказчик повести размышляет, вспоминает, живет в двух временных потоках своего времени (детства и взрослой жизни). Автор раскрывает действительность «через самосознание, через моменты собственной судьбы... дистанция между автором и “образом автора” – минимальна» [Киндикова: 112].

Для маленького *Барыса* дружба между подростками стала школой жизни. Предоставленные сами себе, они целыми днями охотились на сусликов, а благодаря шкуркам этих маленьких зверьков ребята материально помогали своим матерям. Но для их общего друга *Текмея* все закончилось трагически. Его смерть (самоубийство) приносит детям новый ряд переживаний (непонимание внезапной отчужденности и холодности матери к своему ребенку). В повести наблюдается размытость грани между взрослостью и детскостью. Это осознает и сам автор. Время в художественном пространстве произведения представлено как «образ перевернутого и ускоренного времени, как бы наперекор естественному времени детства и юности» [Петров: 2015]. *Борбок-Кара*, как старший из подростков, был для остальных лидером, способным зрело понимать настоящую жизнь. Он по-своему преподает мальчикам суровое, порой даже жестокое воспитание в условиях военного времени.

Вот как вспоминает о своем военном детстве в мемуарной повести «*Время и Жизнь*» (2013), опубликованной после смерти писателя, Дибаш Каинчин: «*Мен, нөкөрүм Садаң Жыманла кожо, уулчагаштар, ол Жаан-Кобыда өлгөн чаап турган энелериске ойногончо једип барарыс. «Бата-а, кижји слер кире болгон болзо...» – деп, кандый бир келин үшкүрер. Чындап*

та, бис ле кире јаш балдар болгон болзо... Бис ошкош салдым-бош... А бис дезе «кижи түрген јаанайтан болзо» дейдис... Јаш бистерге ой комудын суккалак. Бис «иши», «норма», «калан-налог», «ач-торо» деп сөстөрдү билбезис. «Санааркаш», «комудал» дегени та не сөстөр... Биске јакшы. Ненин учун дезе бис мынан јакшыны да, мынан јаманды да көрбөгөнис. Билбезис. Биске јакшы, јакшы...» («Мы вместе с другом Садаң Диманом, мальчишки, играя, приходили к матерям, косившим сено на Большом Логе. Какая-нибудь женщина вздохнет: “Ой, нам бы быть в вашем возрасте...” И вправду, если бы были они нашего возраста... Быть свободными, как мы... А мы говорили, “скорее бы мне вырасти”. На нас, малышей, время еще не надело свои хомуты. Мы не знали слов “работа”, “норма”, “налог”, “голод”. Что за слова “переживание”, “жалоба”... Нам хорошо. Потому что мы ничего лучше этого, ничего хуже этого не видели. Не знаем. Нам хорошо, хорошо») [Каинчин 2013: 29].

Когда началась Великая Отечественная война, будущему писателю исполнилось всего 3 года. Как известно, психика детей этого возраста лучше защищена от ужасов и трудностей военного времени. Они не понимали, что где-то далеко на западе идет ожесточенная война, что их отцы на фронте. Писатель – первый и единственный ребенок в семье. Отец на фронте, бабушка и мама оберегали мальчика от всех невзгод. Позднее Дибаш Каинчин напишет рассказ «*Кайчи*» («Сказитель», 1984), где повествование идет от первого лица, и в поступках главного героя (самого маленького мальчика из группы детей), его размышлениях концентрируется авторская позиция. Каждый вечер (осенью и зимой) они собирались в *айыле* сказительницы Казак Кокпоевой и слушали героические сказания. Мир сказок увлекал детей, уводил из реального мира и заставлял забыть голод и холод. Маленький герой понимал, что его отец, как и богатыри из алтайских сказаний, сражается с врагами. Однажды мальчик, погоняя теленка из пастбища-болота, вдруг замечает свою тень: она была огромной и словно хотела обнять все село. Тогда мальчик представляет себя богатырем: его конь *Кан-Деерен* – это прутик между ногами, а другой прутик – лунно-стальной меч. Телята от восторженного крика мальчика ринулись в деревню, а за ними маленький богатырь. Он тоже воин, тоже солдат, как и его отец, сражающийся за свою родину.

В рассказе «*Байкал и Саксабай*» (1984) Д. Каинчина друзья летом все свое свободное время тоже проводили в охоте за сусликами (иногда и кротами). По возрасту они были еще маленькими, поэтому были предоставлены сами себе. Военные годы повлияли на более раннее взросление детей, в зависимости от ситуации, обстановки. Но когда их добычу взрослые оценивали по достоинству, Байкал и Сакса-

бай чувствовали себя настоящими охотниками, у них появлялись гордость и самоуважение: «*Эр кемине јеткенин бу болбой деп бодоорын...*» («Вот ты и возмужал, наверное, думаешь (стал мужчиной)...») [Каинчин 1984: 59]. Мальчишки даже не совсем понимали, что выполняли большую и ответственную работу – сокращали численность грызунов, а также они облегчали заботу матерей – думать, чем же прокормить сегодня семью. События происходят в теплое летнее время, ничто, кроме охоты на сусликов, не беспокоит ребят, и только в последних строках рассказа читатель узнает, что действия происходят во время Великой Отечественной войны: «– *Алдырбас! – деп, Саксабай јүзүрүк бажына штанын өрө тартат. – Адаларыс удабай јуунан јангылап келер. Эликті биске аткылап бергилеер...*» («– Ничего! – на ходу Саксабай подтягивает штаны. – Наши отцы скоро вернутся с войны. Косулю они нам подстрелят...») [Каинчин 1984: 62].

Если в произведениях Дибаша Каинчина дети 3–7 лет в военные годы свободно играли и не совсем понимали происходящее в силу своего малолетнего возраста, то у Шатра Шатинова старшие подростки осознанно помогали родному колхозу, а маленькие тоже не осознавали тяжести войны.

Писатель также обращается к сложным вопросам темы военного детства. Герои повести были в том возрасте, когда не совсем понимали всю трагедию Великой Отечественной войны: им было по три – десять лет. Многие сверстники писателя, в том числе и он сам, знали о войне понаслышке (от старших, слушали сводки в газетах, рассказы демобилизованных после ранения солдат). Но эта война все же определила жизнь детей алтайских деревень, наложила отпечаток на сознание главного героя по имени *Кылык*, который эти чувства сохранил на всю жизнь. Небольшой отрезок времени в художественном пространстве повести, в рамках которого происходят события, связанные жизнью подростков, локализуется одним летом 1944 г. в маленькой деревеньке под названием Мечин («Созвездие Плеяды») и завершается словами: «Это было 31 августа 1944 года. Завтра школа» [Шатинов: 428].

В повести тоже наблюдается раннее взросление детей, когда мир взрослых требовал от подростков резкого взросления для выполнения тяжелых работ. Уже с первых же строк образ романтически-возвышенного описания окружающей природы превращается в реалистически-сниженный. Этот образный контраст не только ощущается, повествователь противопоставляет физическому признаку села, находящегося «под покровом печали и тоски» звонкий смех детворы. Как замечает автор, единственное и неожиданное в этом селе, которое внезапно бросается на глаза – это дети, большинство которых не знали в лицо своих отцов, пото-

му что родились, когда они ушли на фронт: «Но потом то, что вдруг внезапно бросается в глаза и доносится до уха – это множество играющих маленьких детей. Раздающийся их радостный и пронзительный смех радовал эту покрытую печалью деревню и давал надежду на будущее» [Шатинов: 331].

Взрослые называли детей коротким словом «*ач-јурен*» («голодное семя»). Как подчеркивает и сам автор: «И вправду, если пристально разглядеть лица, телосложение, одежду деревенских детей, то это слово им очень подходит» [Шатинов: 332]. Все они были худыми, их лица выглядели «*ач-куу*» (дословно «голодно-бледные»), так как и питание, и одежда у детей были скудными. Но тем детям, кому уже за десять лет, это слово «*ач-јурен*» уже не подходит. Они были полноценными колхозниками, тружениками тыла и уже зарабатывали свои «трудодни».

В палитре писателя преобладают особенности зрительной синестезии как особой формы метафоры – краски черного и белого, временами сглаживающие бледный (выцветший) оттенок темных тонов, которые оттеснили все признаки счастья и любви в юные годы. Вытоптанное пригорки, черная дорога, белый песок, глина – все тонет в темноте голода, борьбе за выживание, безысходной тоске военного времени. Вся эта картина построена автором на «точных зрительных очертаниях предметов или на игре света и тени; либо на звуках...» [Жирмунский: 321].

В пространственно-временном аспекте повести мир – родная земля, вода – идеальный локус. Повесть имеет два названия: «*Эрјине*» (Сокровище») и «*Ак-Ойбоктын повези*» («Ак-Ойбокская повесть»), которые созвучны названиям родных и дорогих сердцу мест самого писателя. Привлекают внимание основные художественные детали, которые служат средством создания местного колорита: «Показавшиеся конусообразные, как сопки, дымоходы *айылов* села Мечин, стоящей на открытой поляне, запахи дымом, и почувствовалась жизнь. Когда идешь по деревне, то прежде всего обратишь внимание на выцветшие серые и обветшалые дома без крыш, *айылы*, кровли которых заросли сине-зеленым мхом, несколько полуразрушенных огородов, на кривые улочки» [Шатинов 2005: 331; перевод автора статьи].

Атмосферу произведения облегчает и осветляет детское восприятие войны: события в повести в то сумрачное время происходили в «глубоком тылу». Где-то на западе шла Великая Отечественная война. Если подростки постарше понимали всю тяжесть и горе войны, то младшие находили время для игр, потасовок, небольших ссор. Они переживали намного легче, чем взрослые. Иногда в этом спокойном, гармоничном мире жизнь казалась простой и понятной. Но это только внешние впечатления. Всех объединяло ожидание близких и родных с фронта.

Алтайская литература изначально, со второй половины XIX в., развивалась в контексте историко-духовного развития российской империи, а затем жизни СССР, «национальная духовность развивалась в контексте славянской, а позже советской ментальности» [Палкина 2015: 6–7]. Но именно приход в алтайскую литературу писателей – выпускников Литературного института им. М. Горького способствовал более глубокому изображению панорамной национальной картины жизни алтайского народа, интенсивному развитию богатого и содержательного художественного языка в тесной связи с традиционным мировидением, миропониманием народа, что нашло отражение и в исследованных произведениях. Автобиографические произведения, проанализированные в данной статье, показывают, что «военное детство» в реальной жизни всплывает в памяти зачастую фрагментарно, но при этом достаточно широко представлено в художественном пространстве произведений. Писатели, которым пришлось испытать на себе все трудности «военного детства», в своих произведениях раскрывают общенародное страдание в контексте национального мировидения своего народа.

Всех алтайских поэтов и писателей этого поколения (Л. Кокышев, Д. Каинчин, Б. Укачин, Ш. Шатинов) объединяет сплетение тематических мотивов детства и войны, которые раскрываются через образы-символы огня/очага, коня, перевала; мотивы преклонения перед матерями, героически выстоявшими это трудное время, памятью о погибших отцах (образ отца тоже является одним из значимых и важных), темноты и света. Это обусловлено личными потерями писателей, отсюда и складывается образ «идеализированного» высокого отца, образ которого сложился только в сознании сыновей. Как известно, «жесткая позиция жизни и смерти, мира и войны трансформируется в психологический комплекс, когда мучающая память оказывается залогом человеческой нравственности» [Петров: 23].

Источники

Каинчин Д.Б. Айлыбыс жангыс өзөктө. Горно-Алтайск, 1984. 231 с.

Каинчин Д.Б. Ой лө жүрүм. Горно-Алтайск, 2013. 119 с.

Кокышев Л.В. Чөлдөрдин чечеги. Горно-Алтайск, 1983. 495 с.

Кокышев Л.В. Я вас любил: Стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 1983. 391 с.

Шатинов Ш.П. Ылдар ла кылдар. Горно-Алтайск, 2005. 428 с.

Список литературы

Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций. М.: URSS, 2009. 461 с.

Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций // Сердце слова. Горно-Алтайск, 2002. 159 с.

Киндикова А.В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2005. 172 с.

Кондаков Г.В. Борис Укачин // История алтайской литературы. Горно-Алтайск, 2004. Кн. 2. 390 с.

Медарич М. Автобиография // Автоинтерпретация: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 1998.

Палкина Р.А. Алтайская литература как художественная система. Горно-Алтайск, 2015. 266 с.

Петров И.В. «Война вошла в мальчишество мое...»: образ подростка в поэзии 1950–1960-х годов // Филологический класс. 2015. № 1 (39). С. 17–23.

References

Zhirmundskii V.M. *Vvedenie v literaturovedenie. Kurs lektzii* [Introduction to Literary Studies. Lecture course]. Moscow, URSS Publ., 2009, 461 p.

Kazagacheva Z.S. *Opyt prochteniiia prozy D. Kainchinva v rakurse epicheskikh traditsii* [The experience of reading D. Kainchinva's prose from the perspective of epic traditions]. *Serdtshe slova* [Heart of the Word]. Gorno-Altai, 2002, 159 p.

Kindikova A.V. *Tvorchestvo Borisa Ukachina: tematicheskoe i zhanrovoe svoeobrazie* [Boris Ukachin's creativity: thematic and genre originality]. Gorno-Altai, 2005, 172 p.

Kondakov G.V. *Boris Ukachin* [Boris Ukachin]. *Istoriia altaiskoi literatury* [History of Altai Literature]. Gorno-Altai, 2004. Iss. 2. 390 p.

Medarich M. *Avtobiografiia* [Autobiography]. *Avtointerpretatsiia: sb. statei* [Auto-interpretation: collection of articles]. SPb., SPbGU Publ., 1998.

Palkina R.A. *Altaiskaia literatura kak khudozhestvennaia sistema* [Altai literature as an artistic system]. Gorno-Altai, 2015, 266 p.

Petrov I.V. "Voina voshla v mal'chishestvo moe...": obraz podrostka v poezii 1950–1960-kh godov ["War has entered my boyhood...": the image of a teenager in poetry of the 1950s – 1960s]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2015, № 1 (39), pp. 17–23.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021; одобрена после рецензирования 19.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.02.2021; approved after reviewing 19.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.